

Блондинко.ВУ

Страх и желание.

Две движущие силы человеческой цивилизации. Страх бывает разным. Липким. Струющим холодной змейкой вдоль позвоночника. Убивающим волю и мысли... Стремительной молнией. Пронзающей от макушки до пяток и вызывающей дикий всплеск жажды жить. У страха много лиц. Но самое страшное из них для человека – страх одиночества.

Снег падал на город пушистыми комьями. Снег владел городом, он был везде и повсюду. Он был всем. Это было необычно. Минск уже давно забыл, что такое настоящая, снежная, зима. Бывало, что снега никто не видел даже на Новый Год. Что уже было просто полным разрывом шаблона. Тоской и срывом блестяще отрепетированного веками новогодне-рождественского стандарта.

Этот год был исключением. Сложно понять, почему. Да особо никто и не заморачивался. Пипл уже давно не забивал себе голову такими сложными вопросами. Какая разница? Есть дела важнее. Сейчас падающие хлопья снега были вполне подходящим антуражем для вселенского горя одинокой девушки в конце одного из перронов минского ж/д вокзала. В её жизни случилось горе. Большое. Самое настоящее. Сломался плеер. Розовый, любимый. Зря смеетесь, уважаемые. В мире, где границы стираются быстрее, чем появляется личное пространство. В мире-мозаике, всасывающем в себя губкой миллиарды разных людей и выплевывающем наружу похотевшие одна на другую судьбы, оставаться личностью крайне сложно. Многим помогают лишь искусственно создаваемые границы. У каждого они свои. Блондинко спасалась в своей личной скорлупе музыки. Её создавал тот самый. Любимый.

Розовый. Который сломался. И вместе с ним вдруг рухнула граница её личной жизни. И обрушился мир вокруг. Сразу, всей своей массой. Пугающей, раздражающей. Горе.

Сначала она пыталась вернуть плейер к жизни. Выпала из толпы, несущей уже экс-пассажиров междугороднего поезда. Толпа уплывала, уносила себя дальше. А для неё мир замер, остановился, сузился до размеров скамейки в самом конце перрона. И останков розового любимца. Он не понимал хозяйку, возвращаться к жизни упорно не хотел. Когда она это осознала, все вокруг вдруг расширилось. Громада вокзала нависала чуть справа. Там же тонущие во вьюге огни города. Слева была сплошная снежная стена. Людей рядом уже не было. И слава богу! — подумала Блондинко. За те полчаса, что прошли с момента поломки, она уже начала их тихо ненавидеть. За тупые темы разговоров, за бессмысленные телефонные звонки, за ... да много за что. И эти обострившиеся эмоции вдруг обухом ударили по голове. Снова накатило. Вдруг захотелось курить. Вокзал отдалялся, уносился в снежные дали, растворялся в стихии. Она поняла, что любит одиночество. Любит всем сердцем, осознанно и искренне. Зажигалка еще пару раз чирикнула и наконец-то выдавила из себя огонек. Блондинко закурила, абсолютно не чувствуя ничего. Вот она какая, нирвана. Она всегда наступает тогда, когда теряешь. Часть своего привычного мира. Никаких мыслей, никаких чувств. Полный распад.

Еще одна затяжка. С чувством. Рассеяно заметила изменение картинки слева. Из снежной мглы, рядом с монументальным основанием начало сгущаться что-то темное. Проступающий словно мираж из снега Город постепенно стал фоном этого сгустка. И вдруг из темного пятна вышел кабан. На задних копытках. Блондинко моргнула. Кабан не исчез. Более того, он подошел к ней. Она посмотрела на сигарету. Glamour и Glamour. Не косяк.

Она подняла голову и встретилась глазами с Кабаном. Грустным волосатым Кабаном. Именно так, вместе. СобираТЕЛЬНЫЙ, так сказать, образ. Блондинко сглотнула и выдавила из себя пересохшими губами:

– Привет...

Грустный волосатый Кабан ничего не ответил. Он просто смотрел на неё. Стоял и молчал. Перед самым лицом Блондинко возник кейс. Небольшой черный кейс. Она даже не сразу сообразила, что его держал на вытянутых перед собой передних копытцах Кабан. Но поняла, что это ей и его нужно открыть. Правой, не совсем послушной рукой (левой она держала потухшую уже сигарету) она щелкнула замочком и крышка плавно ушла вверх. На Блондинко смотрела Она. Черная блестящая, изумительная в своей красоте «Беретта». Она никогда не разбиралась в оружии и ни за что не смогла бы отличить ТТ от «Кольта». Но знание просто вошло в её голову. Это «Беретта».

Стена снега рухнула сверху. Мир потух. «Плейеер...» – последняя мысль уносящегося вдаль сознания.

* * *

Желание бывает разным. Физическим. Сильным, поднимающим внутри цунами страсти. Но оно ничто перед желанием обладать чем-то. Эта тяга сильнее любого из нас. Она сильнее времени и любой материи. И первым в списке нефизических желаний идет желание обладать комфортом. Комфорт – навязчивое желание человека с первых его дней на земле.

Она опять проспала. В последнее время это случалось все чаще. С невероятным, почти героическим усилием, Блондинко оторвала голову от подушки. Окончательно осознала размер проблемы, взгляну на часы. Это была ошибка. Она вылезла из-под одеяла и одела шорты. Нет,

чтобы послать все лесом и спать себе дальше. Такой был сон... Пока она шлепала на кухню темным еще коридором, начали возвращаться вспышки памяти. Плеер, вокзал, курила, уроды, кабан...Кабан? Движения замедлились, сделались плавными, задумчивыми.

Коридор прервался вспышкой света. Виталик, сосед справа, завернутый айтишник, рылся в холодильнике. Вздрогнул, резко обернулся.

— Ёё, напугала...Подкрадываешься неслышно, как смерть...

И сам запнулся от того, что сказал. Улыбка в ответ была искренней.

— А может это я и есть? Не боись. Сегодня я добрая. Убивать не буду.

Отвернулась, выискивая глазами недоеденную пачку овсянки. За кадром остались глаза соседа. В них мелькнуло ... нет, показалось. Он медленно взял из холодильника пакет молока, закрыл, сел за стол. Долго смотрел в уходящую спину.

Блондинко так и пошла обратно, с овсянкой. Она вспомнила про кейс. Сон окончательно ушел. Вернувшись в свою комнату, она огляделась. Где же он может быть? Или... или это был сон, такой вот реальный сон. Она успокоилась. Какой к черту кабан? И тут увидела под кроватью что-то. По спине пробежали маленькие такие, но пробирающие до костей мурашки. Бррр. Она ногой ткнула назад.

Промазала. Еще раз. Дверь захлопнулась. Поставила тарелку на кровать и выдвинула ЭТО из-под кровати. Небольшой черный кейс.

Блондинко медленно, словно зомби, очень медленно, села на пол. Дрожащей рукой дотронулась до замка. Крышка плавно ушла вверх. Она вспомнила этот момент. Стена снега, громада вокзала, Кабан из тьмы и плавно уходящая вверх крышка кейса. Она уже знала, что там

увидит...

... Сегодня её ждал ужас. Нет, не киношный, в стиле Хичкока или тому подобного. Самый настоящий, обычный ужас. Вскривая в уже закрывающийся двери троллейбус, Блондинко как никогда остро ощутила утрату. В её уютный, такой приятный мир тут же вторглись чужие миры. Небритый гопник справа. От нечего делать пожирает глазами, явно напрашиваясь на знакомство. Ненавидящая жизнь и всех двуногих пожилая тетка слева. Покосилась на соседку, посмевающую отвоевать немного её жизненного пространства и уже готовилась открыть пасть, чтобы высказать, все, что думает. Треп двух студенток за спиной довершал картину. И это только ближайšie к ней миры. Все они были ей просто омерзительны. Но Блондинко ничего не могла с этим поделать — её лучшего друга, её розовенького с нею не было. Она сквозь туман слышала какой-то тупой вопрос гопника, какой-то недовольный вопрос тетки и все остальное. Звуки сливались в какофонию, давили, прессовали, сводили с ума. Она пулей выскочила из салона троллейбуса на своей остановке. Туман уходил вдаль, рассеивался. Зато прямо перед ней материализовалось высокое здание. Она пришла на работу. Новый дурацкий день...

* * *

Люди так устроены, что не могут долго носить в себе то, что их будоражит, напрягает, отрывает от приятного, затягивающего болота комфорта бытия. Если внутри тебя радость, то она непременно вырвется, тут даже поводов не нужно! Если тебя разрывает изнутри какое-то откровенное мутное говно, ты всегда найдешь повод выплеснуть его наружу, Зачем тонуть в нем одному, если можно разделить процесс с теми, кто вокруг? И новый мир, мир офисных сообществ, как нельзя способствует

вскрытию таких нарывов. Весь вопрос в том, какое место ты занимаешь в этом мире...

Понедельник всегда был тяжелым днем. Просто потому, что знаковый. Еще вчера ты был свободным человеком. Да, твоя свобода была условна, временна. Но она была более чем осязаема — ты мог полностью распоряжаться своим временем. И никому не был ничего должен. Но после праздника, как это обычно бывает, наступает тяжелое похмелье. Свобода — дорогое, сцуко, удовольствие. Если ты живешь в большом городе, то твоя свобода питается от твоих доходов. Если они у тебя есть — ты свободен, если нет, наступают проблемы. Поэтому, с утра понедельника по вечер пятницы ты, условно и не условно выражаясь, раб своей свободы. Ты где-то и на кого-то (на себя, других) вкалываешь, чтобы получить уик-энд в свое полное распоряжение. И переход от состояния свободы к состоянию рабства тяжелый. Ой, какой тяжелый, даже если законные выходные прошли без излишних возлияний.

На этот раз мозг Блондинко был чист, абсолютно не замутнен ранее поглощенным алкоголем. Она вообще, в принципе, пила не так часто, как порой хотелось. Но это был понедельник. И сам факт этого давил на сознание. Вернее, напряг скорее был на подсознательном уровне. Она не понимала, почему, но стресс ощущался чуть ли не физически. Он висел в воздухе, им был пропитан весь офис. И его разносили вместе с собой коллеги.

— ...Таня, ты связывалась с «Фордом», что они там о себе думают? Места в номере уже почти не осталось. Давай, не спи!

Блондинко с трудом повернула разом ставшую чугунной голову от прохода между рабместами — офисными столами, по которому только что пронеслась фурией её непосредственный начальник. Хорошо или плохо иметь в шефах представителя твоего же пола? Да хрен его

знает! С мужской точки зрения, в боссах лучше иметь мужчину. Хотя, в последнее время офисная субкультура породила и выплонула из себя в мир новый подвид офисного планктона мужского пола. Они полностью возвращались во времена матриархата и воспринимали подчинение женщине-боссу на уровне, почти граничащем с физически-плотским. Если бы ОНА вдруг взяла в руки кнут и начала раздавать приказания, щелкая им по офисному подножию, им было бы даже проще...

Но она была Блондинко. И ей хотелось начальника — настоящего мужчину. Ну, такого, от любого указания которого замираешь, останавливаешься сердцем и желаешь только одного — сделать все, как он хотел. Это был почти секс. Только нового уровня, этаким удаленный, виртуальный. Как и весь сегодняшний мир. Ведь по-настоящему с ним уединиться все равно не выйдет...

Таких мужчинок с каждым днем вокруг становилось все меньше и меньше. Офисный мир убивал их. Ну таких, с налетом легкой, стильной брутальности, с физически ощущаемой мужской силой. Той, которая сближала мужчину и женщину с незапамятных времен. Тех особей мужского пола, которые окружали её, Блондинко презирала. Они не вызывали никакого к себе интереса. Ни в каком смысле. Точка. Но и иметь начальником сестру по разуму ей почему-то тоже не улыбалось. Смешно сказать, но этот процесс её раздражал. Почти всегда и почти во всем. Она не могла объяснить словами и логически, в чем именно проступало раздражение. Но оно явственно напрягало её. Отвлекало, мешало полноценно работать. Тьфу ты, отрабатывать свою свободу. Понедельник, мать его...

Где-то ближе к четырем часам дня она все сильнее ощущала в себе желание убивать. Соседку, откровенно забивающую на все и весь день юзающую социальные сети. Коллег, пристающих с разной фигней, которую она считала